

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук А.В. Гулина на диссертацию Михаила Николаевича Волвенкина «Медицинский дискурс в творчестве Льва Толстого 1850–1860–х годов», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация М.Н. Волвенкина, посвященная, казалось бы, частной, хотя и обширной, проблеме, в действительности обращена к той жизненной области, которая оказалась важнейшей для мировоззрения и творчества Льва Толстого — медицине. Можно сказать, что с первых произведений писателя тема душевного и телесного страдания, картины протекания и врачевания недугов, ранений на поле боя стали одной из его «визитных карточек», особенно рельефно обозначили новизну толстовского понимания мира и толстовского художественного метода. Пожалуй, ни один из крупных писателей XIX в. не испытывал такого жгучего интереса к теме болезни и ее лечения. В сущности, для Толстого — неподражаемого психолога, вечно поглощенного вопросами жизни и смерти, страдания и блаженства, медицина, независимо от более широкого и разнообразного контекста написанного, — это всегда некий «передний край» бытия, в изображении которого реализуются самые сокровенные мысли и переживания. Это также и возможность испытать авторскую концепцию человека, целей и смысла его существования — как правило, неотделимую от глубинных парадоксов. И это представления Толстого о Боге — столь же парадоксальные. Не удивительно, что связанные с медициной толстовские размышления и описания уже с момента их появления становились предметом самого горячего общественного интереса. Тему никак нельзя назвать обделенной вниманием критиков, литературоведов, профессиональных медиков.

Выбор темы, таким образом, требовал от автора немалой научной дерзости. С одной стороны, было необходимо глубинное понимание многосложной личности Толстого, с другой — изучение и систематизация разрозненных материалов (и в том числе, медицинских трудов — часто малоизвестных и никогда не привлекавшихся в литературоведении для исследования жизни и творчества Толстого). Наконец, предстояло создать целостную картину ранних и зрелых воззрений писателя на проблемы здоровья и болезни, исцеления страждущего или же его ухода из жизни. Признаться, до появления диссертации Волвенкина автор этого отзыва все же недостаточно сознавал всю сложность медицинской проблематики у Толстого в этот период. Надо отметить и еще одно обстоятельство: изучение в работе многочисленных «медицинских» фрагментов из произведений писателя первых творческих десятилетий (в совокупности с мемуарами военных медиков и гражданских врачей того времени) образовало в диссертации до сих пор не существовавшую в науке объемную, целостную и временами очень гнетущую картину. Требовалось, очевидно, еще и немалое мужество для того, чтобы шаг за

шагом анализировать этот настолько плотно собранный в одном месте, временами просто душераздирающий материал.

Сразу отметим, что М.Н. Волвенкин уверенно преодолел большинство трудностей, которые несли с собой избранная проблематика и реальная первооснова диссертации. Его понимание Толстого — самое основательное, идущее не извне, а из глубины. Его владение толстовской фактографией, а также литературой, посвященной писателю — полное и высокопрофессиональное. Литература по истории медицины (главным образом, воспоминания врачей и современные Толстому научные труды), насколько можно судить, также освоена фундаментально. В итоге диссертация получилась очень доказательной, адекватной предмету изучения. Заслуживает внимания высокая культура цитирования: в исследовании почти не встречаются случайные, «не работающие» цитаты. В основном диссертация написана богатым, выразительным и в то же время строго научным языком (от этого, кстати, порой кажется довольно искусственным ключевое в работе тяготеющее к постмодерну понятие «дискурс»). Главное же достоинство исследования — интенсивность и гибкость авторской мысли, способной находить неожиданные, свежие (и в то же время, строго обоснованные) подходы к материалу, различать неочевидное в самом, на первый взгляд, очевидном. Можно сказать, что едва ли не каждый раздел каждой главы диссертации включает в себе гораздо больше того, что можно ожидать, судя о них только по названиям. При этом такие разделы всегда имеют неповторимый собственный ракурс, но все вместе образуют очень достоверную и стройную картину толстовских представлений о болезнях, травмах и их врачевателях — действительных или мнимых.

Диссертация состоит из трех глав, хронологически освещающих восприятие Толстым медицинских проблем, эволюцию этих воззрений и отражение того и другого в художественном творчестве. Примечательно, что уже в первом разделе первой главы, посвященном раннему дневнику писателя, автор диссертации выявляет главный принцип отношения Толстого к телесным недугам. При этом уже начальные записи дневника (с перерывами и «ответвлениями» он будет сопровождать художника до последних дней жизни), интерпретируются точно и проникновенно. Признаться, нам еще не приходилось встречать ничего подобного в отношении этих юношеских записей, как известно, оставленных Толстым во время болезни. «Как нам представляется, — говорит соискатель, — толстовская самобытная мысль о болезни, ее природе и лечении минует медицинские представления. В дневниковых записях писателя наблюдается стремление минимизировать роль тела. Внимание сосредотачивается на душевных недугах. В то время как тело проходит лечение в клинике Казанского университета, душе уделяется пристальное внимание на страницах дневника. Упорядочивание, структурирование жизни в форме дневниковых записей способствуют параллельно идущим процессам саморазвития и самолечения. Повествователя интересует не физическая болезнь, но моральная, именуемая «развратом души». <...> В то же время стоит отметить, что тело полностью не исключается из текста. В целях саморазвития и избавления от пороков возникает необходимость в подчинении тела слову». Тем самым медицинская проблематика у писателя совершенно справедливо относится в диссертации к некой центральной и

всеобщей проблематике толстовских размышлений о мире и человеке. Найденный в работе «медицинский ключ» (один из многих возможных) позволяет автору открывать недостаточно освещенные особенности творчества Толстого в целом. Кстати, эта постоянная сопряженность в творческом отображении действительности нравственного и телесного не оставляет возможности говорить о натурализме даже в самых откровенных, казалось бы, толстовских описаниях болезни, полученных ранений, хирургических операций, смерти.

Уже в первой главе диссертации определяется еще один важнейший принцип толстовского понимания недугов и их врачевания — принцип целостности: мира, общества, человека в его телесной и нравственной жизни. На множестве примеров соискатель показывает, что, согласно убеждениям Толстого, истинное лечение всегда состоит в сохранении или же восстановлении утраченной целостности. «“Целое”, — сказано в диссертации, — есть “источник всего”, обладающий важнейшей характеристикой — истинностью. Приобщение к “целому”, по логике писателя, открывает истинный взгляд на вещи, позволяет обрести порядок, а с ним — счастье». И далее: «Лечение происходит путем упорядочивания мыслей, разрешения мучительных вопросов. Это напоминает структуру ранних дневниковых записей Толстого, в которых посредством письма, придающего жизни порядок, организуется саморазвитие и самолечение». В дальнейшем соискатель последовательно определяет эволюцию толстовских представлений о «целостности» и средствах ее обретения (здесь хочется еще раз обратить внимание на отточенность авторских высказываний): «И всё же “сознательное стремление к развитию всего существующего” проходит через конкретные области знания, список их широк, но не безграничен. Практическая медицина, ведущая к избавлению от недуга или к облегчению страданий, поначалу находится в фокусе интересов Толстого. Позже, отчасти вследствие разочарования в возможности полного подчинения жизни рассудку, она становится объектом критики на протяжении всего творчества». Таким образом, диссертация убеждает, что лечение и медицина решительно расходятся в понимании писателя, который, тем не менее, как хорошо известно, в повседневной жизни едва ли не чаще других классиков русской литературы будет прибегать к помощи врачей.

Развитие выбранных за точку отсчета основных толстовских понятий о медицине далее прослеживается на материале самых разных областей жизни и творчества писателя. Так, соискатель уверенно, от раздела к разделу, определяет типологию медиков, изображенных в художественных произведениях Толстого. С этой точки зрения исключительно важен раздел «Образ доктора в “Набеге”». Казалось бы, давно и всесторонне изученный первый военный рассказ писателя — и в нем сцена смерти юного прапорщика Аланина, раскрываются здесь необыкновенно чутко и по-новому. Не менее замечателен по своим наблюдениям, широте владения документальным материалом и раздел из второй главы «Доктора и сестры милосердия в Севастопольских рассказах». При этом Волвенкин мастерски выявляет нравственную составляющую (или отсутствие таковой) в действиях врачей и медицинских сестер, в душевном состоянии раненых, оказавшихся на границе жизни и смерти, устанавливает столь важную для писателя прямую связь между успехом лечения и глубинным содержанием происходящего. Одновременно прослеживается и

определенная соискателем сквозная для Толстого проблематика целого и отдельного, оппозиция войны и «гармонии мира», получающая свое вопиющее продолжение в севастопольских перевязочных пунктах, операционных и госпитальных палатах. В непосредственной связи с военно-медицинским материалом находится и, казалось бы, не имеющий прямого отношения к лечебной тематике, но проясняющий взгляды Толстого на процесс избавления от недугов раздел «Эпидемия тщеславия». Полон ярких наблюдений (и прежде всего за художественным методом создателя Севастопольских рассказов) раздел «Лев Толстой и Николай Пирогов в Севастополе», где среди прочего рассматриваются вопросы притяжения и отталкивания толстовского психологизма и практики выдающегося хирурга.

Социальные аспекты медицины выходят на первый план в третьей главе диссертации, посвященной роману-эпопее «Война и мир». Одновременно здесь подводится своеобразный итог движению Толстого в 1850–1860-х годах в области военно-медицинских описаний.

Самый первый и общий вывод по прочтении диссертации: это основательное, написанное с прекрасным знанием источников, стройное, логичное, новое по материалу и по высказанным положениям научное исследование. Главное же — это объективное, ответственное исследование, в основном не отступающее от истины. Совершенно очевидно, что, погрузившись в материал чрезвычайно трудный, если не сказать запутанный, соискатель предпочел не касаться дискуссионных вопросов об отношении толстовского мировоззрения к действительности, о месте писателя в общественных и религиозных процессах второй половины XIX века. Между тем, с нашей точки зрения, сделанные Волвенкиным открытия служат новым ярким свидетельством толстовского утопизма и пантеизма — не созидающих, но глубинно разрушающих целостность реально существующих мира и человека. И одновременно (таков Толстой!) религиозно-философские парадоксы являются у него источником художественных достижений высшей пробы.

Задачи, поставленные автором исследования, в основном решены на самом высоком уровне. И этого более чем достаточно для кандидатской диссертации.

Тем не менее, работа все-таки вызывает несколько замечаний.

Прежде всего, на наш взгляд, в третьей главе недостает детального разговора о картинах угасания и смерти раненного князя Андрея Болконского и о том движении, которое проходит умирающий в эти последние для него недели на земле. В религиозно-философской концепции бытия, положенной в основу толстовского романа, эти описания играют главнейшую роль. И это для своего времени настоящий итог размышлений писателя о смерти и бессмертии, о целостном и отдельном. Вера Толстого в безличное начало жизни, любви и добра, в безгрешного человека («Нет в мире виноватых!»), которого посылает в мир это безличное божество, чтобы затем поглотить его личность после смерти — все это выразилось тут с предельной определенностью. Не случайно восхищенный читатель Толстого К.Н. Леонтьев, находя в этой сцене совершеннейшее описание «изнутри и извне» болезни и смерти (он видел в Крыму умирающих от таких точно ранений), все-таки находил тут кончину не вполне христианскую, говорил о «филантропическом пантеизме» медленно угасающего князя Андрея. Одним словом, исследование этих картин могло

бы во многом прояснить характер, духовную природу и более ранних толстовских представлений о болезни и смерти, и даже больше — подлинных верований Толстого начальной жизненной поры.

Второе замечание касается авторских рассуждений о повести «Казачьи» из раздела «Лев Толстой и магнетизм». М.Н. Волвенкин, пожалуй, излишне прямолинейно, находя в конфликте Оленина и казачьего мира столкновение героя с миром природы. Такое отождествление жителей гребенской станицы только с природой, конечно, стало вполне привычным в литературе о «Казачьях», и тем не менее, оно не вполне справедливо. «Люди живут, как живет природа», — это взгляд Оленина, возможно, до какой-то степени это и взгляд писателя, однако он не исчерпывает собой созданной Толстым картины казачьего мира. Все же Толстой оставался верен характеру материала: он показывал хотя и не чуждых всевозможным суевериям, но все-таки русских православных людей (старообрядцев), исполняющих воинский долг. Оленин оказался отвержен именно народной цивилизованной средой, а не только буйной растительностью на берегах Терека.

Наконец, третье замечание. В том же разделе «Толстой и магнетизм», кажется, было бы вполне уместным хотя бы кратко отразить традиционное для Православия понимание вопросов духовного и телесного здоровья. Возможно, следовало бы коснуться и вопроса о засвидетельствованных во времена Толстого случаях чудесных исцелений молитвами и заступничеством святых угодников Божиих. Если же такой материал в отношении писателя полностью отсутствует, просто констатировать этот факт. Тем не менее, в судьбах героев «Войны и мира», кажется, все-таки есть некоторые моменты, позволяющие интерпретировать их именно в таком смысле: скажем, образок, данный Андрею Болконскому, уезжающему на войну, княжной Марьей, похищенный мародерами под Аустерлицем у смертельно раненного князя, чудесно к нему возвратившийся — и последовавшее затем выздоровление героя.

Высказанные замечания ни в коей мере не являются принципиальными и не снижают высокой оценки проделанной М.Н. Волвенкиным работы. Их можно рассматривать как пожелания на будущее.

Результаты исследования могут быть использованы при написании научных монографий, в подготовке комментариев к научным изданиям Л.Н. Толстого, в преподавании базового учебного курса истории русской литературы в высших учебных заведениях, а также в специальных курсах, посвященных творчеству писателя, в бакалавриате и магистратуре.

Автореферат полностью отражает положения проведенного М.Н. Волвенкиным научного исследования. Как можно заключить из основного содержания диссертации и автореферата, обоснованность и достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертационной работе, обеспечиваются многочисленными апробациями в научной аудитории (доклады на Международных и Межвузовских научных конференциях и 4 публикации — из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ).

В целом кандидатская диссертация М.Н. Волвенкина представляет собой самостоятельное научно-квалификационное исследование, ценное по полученным результатам, содержит решение задач, имеющих принципиальное значение для

литературоведения. Работу отличают актуальный для современного состояния гуманитарных наук научно-теоретический аппарат и продуктивная междисциплинарная методология. Диссертационное исследование «**Медицинский дискурс в творчестве Льва Толстого 1850–1860–х годов**» соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации и критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, отличается объективностью данных и доказательностью выводов, полученных автором лично. Считаю, что автор работы **Михаил Николаевич Волвенкин** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

09 января 2025 г.

Официальный оппонент

доктор филологических наук (научная специальность 10.01.01 – русская литература), ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

 Александр Вадимович Гулин

121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1.

(495)690-50-30

E-mail: gulinimli@yandex.ru

Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой представленной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ПОДПИСЬ ЗАБЕРЯЮЩЕГО

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

